

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

В.И. Максимова
Исповедь мадам прорабши

Валентина Ивановна Максимова

Исповедь мадам прорабши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505784

SelfPub; 2018

Аннотация

В этом повествовании нет ни имен, ни фамилий только потому, что практически не осталось никого в живых: рано выросли и рано умирали. За тридцать с лишним лет работы в строительстве, и в основном в мужских коллективах, я убедилась, что мужчины могут тоже страдать, переживать и даже плакать «навзрыд» (был такой случай), что не каждая женщина на это способна. Если бы не ЗЭКи, то в «плане» информации мы «вольные» отстали бы надолго, а может быть, навсегда. Самая грязная, черная, физически тяжелая, неблагодарная, дешевая работа в строительстве выполнялась руками ЗЭКов....Содержит нецензурную брань.

В.И. Максимова

Из цикла «То и это время».

ЗЭКам – строителям посвящается.

Исповедь

«Мадам прорабши»

Автобиографическое повествование

2017год, г. Покров

Беззаботное времечко.

Ура! Сегодня в школуне идти, будем целый день беситься на горке! Ребята свистят под окнами, зовут на улицу: все доски-лотки, обмазанныежидким навозом (для лучшего скольжения) и самодельные санки уже «на мази», готовые ко всяческому, непредвиденным испытаниям.

Стоял декабрь 1953 года, «за бортом» минус 42⁰С, трещал настоящий мороз, от натяжки «гудели» электрические провода на столбах возле барачков, в одном из которых жила наша семья, пока из шести человек: мать, отец и четверо детей; я была старшей, и все бытовые «шишки» доставались мне, от которых, как могла, так и «отбрыкивалась».

До войны (1941-1945 годов) был у нас построен дом, который во время войны, как говорили родители: «Пришлось проесть», – были такие люди или «людишки», которые мог-

ли позволить себе купить добротный дом за «кусочек хлеба». Так оказалась наша семья в бараке, где «люду» было видимо-невидимо, оказавшихся в подобной ситуации. Для кого война «курва», иначе ее не называли, но это было мягко сказано. Войну, как самую дорогую штуку в Мире, «крыли» отборным «семиэтажным матом», а для кого «мать родна».

Жили в бараке дружно, весело, выручали, чем могли друг дружку (коллективом легче выживать). С обувью и тряпками было очень плохо, но зато к каждому празднику, пусть из простенького ситца, было новое платье и сшитые местным сапожником прочными белыми швейными нитками под названием «Парашютный шелк», тапочки «Союзки» из плотной ткани «диагональ», которые чистили зубным порошком перед каждым выходом «в люди» (так, в основном, в теплое время года бегали босиком, а зимой в подшитых, накоротко обрезанных валенках). Фантазиям не было предела:– все шилось, вышивалось, строчилось, вязалось (вплоть до нижнего белья) руками.

В бараках (их было четыре) на «Курлы-мурлы» (так называли улицу имени Карла Маркса) было по одному общему коридору длиной (точно не помню) около двадцати пяти метров, где и собирались все ребята и девчонки (правда, их было мало, как В.Пикуль писал «одна пятнадцатая часть женщины на одного мужчину»). Шум, гам, моментные драки, визг девчонок, растаскивающих задиристых ребят, крики взрослых, выскакивающих из комнат и кричащих: «Что-

бы мы на век заткнулись и замолчали, чтобы у нас заложило в глотках», непонятные звуки раздавались при популярнейшей игре «уголок-массаж-променаж»: это когда человек двенадцать-пятнадцать, прижимаясь к стене и двигаясь вдоль стены, давят первого, который оказался в углу. От такого натиска этот первый не выдерживает и буквально выдавливается из угла, бежит и становится в «хвост» этой давящей очереди; таким образом уже выдавливается из угла второй участник. Эта игра так быстра, что после четырех-пяти выдавливаний бежишь к «запасникам» на «отдых». Такой «гвалт до потолка» мог возникнуть в любое время суток.

И вот, в один из таких желанных погожих и морозных дней, когда в школу нельзя, а на горку можно, мы кучей «высыпали» из барачков на улицу, где уже нас встречали собаки всех мастей. От радости, что сейчас побегут с нами на горку, виляют хвостами, колотят ими по твердому, слежавшемуся снегу, высунув языки, как будто летом, «улыбаются» во всю морду и ждут не дождутся, когда мы сцапаем всю эту скользкую снасть и понесемся на горку.

По дороге на горку собаки с лаем и визгом стараются забраться на санки и лотки, чтобы мы их везли, по своему соображают, что на горке им кататься не придется, а горок, очень крутых у нас было предостаточно, и природных, и искусственных, так называемых «отвалов», созданных из руды пустой породы, вывезенной из шахты каталями в вагонетках на «гора».

Скатывались с горки только «поездом», в который входило в общей сложности не более семи лотков и санок, больше тоже можно, но не тот «эффект»: «хвост поезда» закидывался, переворачивался, мы все вываливались, и уже никакого «свистав ушах»; на первых санках «поезда» находился «рулевой», на последних— «хвостовой». «Рулевым» был самый старший из ребят двенадцати—тринадцати лет, а «хвостовой» нужен только для разгона «поезда» на верху горки; остальная «пузатая мелочь» (почему-то нас так называли, вроде бы мы были все поджарые, животов ни у кого не было) набивалась в середину до «отказа», собакам места уже не было. Таких «поездов» набиралось на горке до десятка. Чтобы правильно и с «шиком» съехать с горки зависело только от «рулевых» и тут были «мастер-класс» своего дела. Нам «пузатой мелочи» иногда приходилось даже драться за своего «кумира». Когда вопрос был решен с «рулевыми», они довольные, такой оказанной честью, важно, в кругу «пузатиков», расходились, как по «коням», по «поездам».

В обязанности «рулевого» входило: успокоить и объяснить: «что с горки съезжать не страшно» в том случае, если появляется новый «пузатик»; «после съезда с горки, чтоб попусту никто не хныкал»,— это касалось и девчонок, а кто ушибался (всякое бывало), тому оказывал первую помощь—прикладывал к ушибленному месту «холод»-снег; если самих «ушибленных» и мест было много, и «рулевой» не успевал, то тут включались помощники со вторых санок. Вот так,

вроде бы в игре, прививалась ответственность за другого человека, когда с кем-нибудь случалось серьезное, то можно правдивую и подробную информацию получить от «рулевого». Никогда и никто с места случившегося не уходил и тем более не убегал. Если «рулевым» была девчонка, то, как правило, все ребята были в «ушибах». «Пройдох» сразу же обнаруживали, стаскивали с санок (если они благополучно доезжали до «подошвы» горки) и заваливали их снегом, чтобы не орали.

Итак: все готово, «инструктаж» проведен,— производится загрузка; «рулевой» ложится животом вниз на первые санки, растягивается во весь рост, ноги засовывает в завитушки вторых санок— вот и весь «сцеп»,—живой и свободный: ноги в любой момент можно выдернуть и пустить «поезд» на самостоятельный, никем не управляемый ход, но это несколько не интересно, а вот интересен был именно управляемый ход «поезда»—это описывать долго, а вся процедура по скатыванию с горки занимает считанные секунды. «Рулевой» отталкивается руками, как бы приводит «поезд» в движение; «хвостовой» разбегаются с небольшого расстояния, резко толкает «поезд» и одновременно плюхается во весь рост на санки так, чтобы (если понадобится) можно будет тормозить, и в ту же секунду ты проваливаешься в «тар-тара-ры»,— почти что вертикально. Тут вот и начинается светопреставление: кто свистит, кто орет, кто визжит, собаки бегут следом, сходу запрыгивают на нас, у них не получается, едут на

задних лапах с тьяканьем и визгом, в ушах от скорости свистит, дух захватывает, какое-то время даже не дышишь. Под горой «поезд» останавливается, начинаешь кругом озираться – «вроде бы живая» – щупаешь себя – «не сон ли?», вываливаешься из санок, встаешь. Теперь проблема, как подняться на гору? Карабкаешься на четвереньках, в руках веревки от санок и лотков, собаки хватают всех за штаны, за телогрейки, фуфайки, хапают за веревки от санок, задом ползут кверху, передние лапы не держат, получается такое «кино», – если бы пленку пустить назад. В итоге: шаг шагнешь, пол шага назад – вот таким «Макаром» минут через 40 приползешь на горку, достанешь ломоть замерзшего хлеба, а собаки тут, как тут, вытаскивают изо рта хлеб, как кость, опять свалка, кутерьма, но теперь уже с собаками. Пока все успокоятся, отдышатся, и опять все сначала. Крутизна искусственных горок достигалась за счет рваной поверхности кусков руды после взрыва.

Дни зимой короткие, раз пять скатишься, а то и меньше, и день прошел. Возвращались домой все вывалившиеся в снегу, голодные, еле волоком ноги. Идти домой, ну совсем не хочется; там делов «полон рот», мать с отцом начнут ругать: «Ни валенок, ни телогреек на вас не напасешься» (и правда, на нас все рвалось и «горело», как на огне), еще этими же штанами, замерзшими и в сосульках отлупят, а драли нас частенько потому, что росли мы «неслухами».

Бегали только в подшитых валенках: отец подшивал, а

дратву для подшивки, деревянные гвозди, заплатки из кожи для запятников и голенищ, обрезку и изготовление стелек из кошмы и изношенных валенок-все это делалось нашими ребячьими руками: если не будет заготовки, отец валенки не подошьет (пробовали сами подшить, но не хватало сил протянуть дратву), а без валенок нам горки не видать, как «собственных ушей»-это для нас пацанов и пацанок полнейшая катастрофа, где же собираться ребячьему «опчеству?» Телевизоров в то время не было.

Примерно такая же картина просматривалась, когда катались на лыжах, только крутизна горок была поменьше, и собакам легче было подниматься на горку. Тут была другая проблема: у собак очень часто забивалось ледышками от слежавшегося снега возле подушечек на лапах, и когда их набьется много, то собаки начинают от нас отставать, садятся на задние лапы и выкусывают эти ледышки, а чтобы им помочь, пока не появилась кровь от треснутой кожи, мы их заваливали на спину и выковыривали эти ледышки. Какие же эти зверюги умные: лежат на спине, лапы сложат, как сурок, когда он спит, и не дергаются, и не шевелятся, пока мы их не перевернем и не поставим на лапы. Если все-таки кровь появилась, то обрабатывали рану теплой мочей, благо что такой «препарат» всегда был с собой. К собакам у нас вообще было какое-то особое отношение, сострадальческое что ли? Будки для них делали сами, утепляли сеном, даже собачий лазарет по всем правилам ветеринарии был.

Когда морозы становились посильнее, то нас уже не очень-то отпускали на горку, и тут было другое занятие: рыли в снегу «катакомбы». Снега было столько много, что сугробы наметало выше крыши частных домов, и тогда мы катались с этих самых крыш, как с горки, стараясь «впечататься» во вход «катакомбы»; иногда так «впечатываешься», что собакам не «под силу» нас вытащить без помощи взрослых, хотя санки были нами же оборудованы «противоударным устройством». Очень часто мы ходили с «фонарями» и «подфарниками», которым ничего не помогало: ни «холод» в виде прикладывания льда, ни травка «Бодяга», зато малышня с откровенной завистью и подробнейшими расспросами желали узнать: в каких это «баталиях» мы заполучили такие обширные синяки.

В снежных «катакомбах» было намного теплее и совсем не слышно звука (хоть заорись – никто тебя не услышит). Вот уж тут действительно без собак никак нельзя! Они нам помогали вывозить снег из ходов в оцинкованных корытах с круглым дном и выводили нас из обвалившихся переходов. В этом снежном лабиринте играли в «войну». Сами делали деревянные ружья, стволы которых красили печной сажей, затертой на натуральной олифе, чтобы блестели. Без собак вообще никакой бы жизни не было!

Летело времечко также быстро, как «с горки вниз». У нас в семье появился пятый ребенок, и как многодетной семье дали разрешение на строительство собственного дома.

г. Покров, 2017год.

Максимова В.И.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА.

Шел конец 1954 года, до получения разрешения на строительство собственного дома оставалось чуть больше полутора лет. Отец решил «нахалом», то есть без всяких разрешающих бумаг строить временное жильё на огороде (впоследствии именуемое «временкой») в виде небольшого домика размером три на четыре метра,— это двенадцать квадратных метров всего для такой семьи из шести человек, чтобы выбраться со своей «оравой» (детьми) из этого «ада» (так называл отец «развеселую» жизнь в бараке); «если что —раскачать недолго по бревнышку на дрова»,— заключал он в разговорах на эту тему.

У нас было два огорода под картошку, тоже приобретенные «нахальным» способом. Была б моя воля, поставила бы огромный памятник Картошке: сколько спасла людей от неминуемой голодной смерти. Один огород был у «строгалошки», где отец работал от столярки. Это заведение было знаменито тем, что все, кто работал в нем, были беспальмы; отец тоже не был исключением. Там стояли два строгальных станка по дереву «пятьсот японского» года выпуска, на которых не соблюдался ни один пункт по технике безопасности «по защите валов с ножами»,— тут не только пальцы а всю руку может отхватить. Второй огород был «захвачен» на

пустыре против того собственного дома, который «проели» в войну, «чтобы она провалилась...!»

Вот на этом-то огороде и задумал отец строить «временку», теплую с печкой, как положено для проживания зимой. Дрова для печки заготавливали только зимой по выходным дням (один день в неделю— в воскресенье). В эту зиму решено было родителями заготовку леса на сруб «временки» приурочить к заготовке дров.

Ну, а пока мы живем всей семьей в бараке, но в «плане» нашего поведения в школе произошли кое-какие изменения: меньше стали «срывать» уроки, очень «полюбили» физкультуру, что учителям пришлось изменить расписание: вместо пяти уроков в неделю сделали три, но по два часа в конце смены, чтобы сразу уходили домой; уже практически перестали ходить на горку, все больше стали налегать на лыжи, каждый старался иметь свою пару. Придумывали разные пропитки и мази (для лучшего скольжения) с пропаркой в котельной при шахтерской бане. Чаше стали ходить драться «улица на улицу» с соблюдением всех неписанных законов и правил «драки»: «лежачего не бьют, задние мослы (ноги) в «ход» не пускать, только тело и чистые кулаки. В случае нарушения правил стойко выносить назначенное наказание (двадцать отжиманий на руках). Допускались хитрость, верткость, обман, выдумка. Никто такого наказания не выдерживал, и в большинстве случаев соблюдали правила. Очень часто драка-игра превращалась в смехопанораму или в одну

хохочущую свалку из-за умопомрачительных, манипуляционных телодвижений выдумщиков, и особенно, когда промажешь. В драках-играх мы – девчонки еще могли принять участие, а вот когда «нашенские» ребята дрались с «фэзэошниками» (ФЗО– фабрично-заводское обучение), их привезли осенью на два года обучения, тут было все на полном «серьезе». Мы, как на концерте, внимательно следили за первыми признаками «кровопролития», то есть когда на любой стороне враждующих начинают появляться штакетины, выдернутые из забора или что-то в этом роде; металлического ничего «днем с огнем» не найдешь,– металлолом мы же, школьники, собирали часто и чисто. Наша девчоночья «миссия» заключалась в том: создать две «кучи-малы» и связать самых задиристых– так что мы были уже вооружены веревками, «удавками» (веревка в виде петли), ремнями, вожжами (их у нас было полно, так как лошади работали везде и даже в шахте. Стойла были на конном дворе). Чаще всего такие стычки происходили возле пивнушки с романтическим названием «Голубой Дунай».

Приближался Новый 1955 год!

Мы уже восьмиклассники-комсомольцы. Для нас навсегда закончились пионерские сборы, разного вида слеты, походы с учителями по изучению «Родного края». Для отца я была «девкой с характером бешеной собаки». С той поры, как я начала ходить с матерью на заготовку дров, он меня не драл, наверное, побаивался, что в 14 лет ловко, одним ударом, от-

рубала топором, который сама же и точила, сучья березы.

В эту зиму произошла заминка по заготовке дров, из-за «временки»: ходили слухи, что разрешат строить собственные дома при рождении третьего ребенка. Отец не знал, что делать? Может заготовить лес сразу и на «временку» и на дом? Уже канун Нового Года, а ясности нет никакой.

Мы любили этот праздник, хлопот у всех было «хоть отбавляй». Только в школе ставили одну елку, привезенную из леса, украшали ее самодельными игрушками в виде толстых конфет с начинкой из сухарей, полувареных гороха и бобов, самодельного печенья (если у кого было) и паренок (это репа, нарезанная кусочками, распаренная в «русской печке», а затем высушенная,— получалось что-то вроде «кураги»). После праздника елка оставалась ободранной, — и разбирать не надо. Конфетти делали «дыроколом» из плотной цветной бумаги и обложек журналов. В других местах и в домах елок не ставили (с этим «делом» было очень строго). Новогодние костюмы фантазировали и шили сами из «обтира»(отходы текстильной промышленности). Старшеклассники ставили небольшие пьесы, в основном смешные, собственного сочинения,

типа: «Урок немецкого языка»:

Колокольчик раздается,

Немка в тапочках несется,

Забегает в пятый класс:

«Вас ист дас? Кишки выдеру из вас,

На стол завалю,
Танцевать заставлю,
На второй год оставлю.

Или:

Светит зоне через фенстер
Прямо на дер тышь
На дер тышь сидит ди катце
И глотает мышь.

Да, в ту пору оповещали с урока и на урок колокольчиком, с ним выходили на улицу, так как вовремя перемены старались ни одной секунды не находиться в здании самой школы.

Учителя действительно ходили в обуви на мягкой каучуковой подошве, чтобы не стучать каблуками; иногда даже не слышали, как заходили учителя в класс, когда мы были все возбужденные и «на ушах».

Декорации были самодельные, собранные «наспех». Во время представления что-то падало, отваливалось, могли развалиться табуретка или какая-нибудь лавка, сбитые стекольными гвоздями из тарной дощечки.

Действующее лицо оказывалось кверху ногами, кувыркаясь, из «драмы» переходило в «акробатический этюд», и не поймешь: то ли так задумано постановщиком, то ли это случайность, но все выглядело натурально и правдоподобно. Принимали участие в концерте хоровой и танцевальный кружки со своими программами. Елка и концерт проходили в спортзале, оборудованном одним «козлом» и десятью

матрацами, обшитыми черной тканью, вместо «матов». Впоследствии, когда пошла в девятый класс, спортзал принял надлежащий вид: летом 1955 года отец с четырьмя столярами, за счет шахты, сделали «Шведскую стенку», бум, брусья, укрепили потолок, подвесили кольца и канат. Вместо подарков работал наш школьный буфет (учились в две смены), где можно было купить за чисто символическую цену: (за пятьдесят копеек на старые деньги, как в современных магазинах— все по одной цене и опять же за счет шахты) пирожок с ягодной начинкой, школьную булочку, морковную котлету, стакан «морса» или другого ягодного напитка, кусок пирога с картошкой и жареным луком, манный или пшеничный биточек. (Деньги сменились в 1961 году).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.